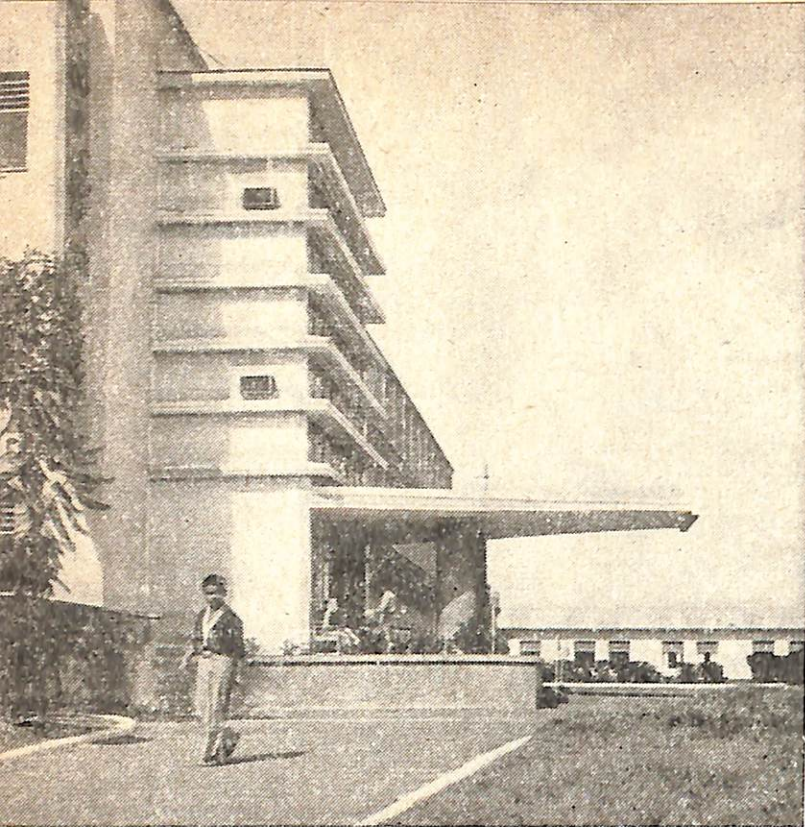

Госпиталь имени Сао Сан Тхуна в Таунджи, построенный с советской помощью. Здесь работают наши врачи.

Фото автора

в лодке-тростинке два человека рядом встать не смогут.

Над озером застыла голубая прохладная тишина. Только длинные волосы водорослей вяло шевелились, когда проплывал вблизи верткий малек.

В дымке расплывались далекие пагоды и вершины пальм. В деревнях на озере живут не только рыбаки — Инле славится своими ткачами: лучшие в Бирме юбки-лоунджи ткнут мастерицы в темноватых домах на сваях. Они сидят не разгибаясь за один джа в день, и деревянный стук бабушкиных станков далеко слышен по воде. В других домах работают чеканщики. Тяжелые серебряные заготовки, похожие на ночные горшки без ручек, привозят сюда из города. А через неделю, а может, месяц работы обратно в город везут замечательные бирманские кубки и чаши. Можно часами любоваться сказочными зверями или вполне реальными сценами из бирманской жизни, вычеканенными на них.

Человек,

ИГОРЬ МОЖЕЙКО

АНСКИЕ горы округлы и мохнаты. Длинными вереницами они тянутся на юг, к океану, те, что поменьше, — впереди, повыше и поугловатее — сзади. Между гор широкими пиалами лежат долины. Одна из них до краев наполнена голубой водой. Это озеро Инле. Здесь край необыкновенный и чудесный, край пурпурных лилий, плавучих пагод, белых чаек и лодок, похожих на тростинки, — так неправдоподобно длинны и узки они. Деревни на озере гнездятся на сваях, и куда бы ты ни поехал, в гости ли, в магазин, в школу, лодка — единственный способ передвижения. Между домами зыбко вздрагивают от набежавшей волны огороды. Они тоже плавучие. Деревни связаны узкими каналами, прорезанными в густых зарослях тростника. Встречные лодки притормаживают, чтобы разминуться на такой дороге. Не притормозишь — зальешь соседа. Он едет куда-то всей семьей, с грузом вяленой рыбы, и борта его лодки почти вровень с водой. По мелководью, продираясь сквозь тростник, бродят черные буйволы, тупые и медлительные. На спинах буйволов дремлют маленькие белые цапли.

Озеро протянулось на много километров. Оно кишит рыбой. Куда ни посмотришь — рыбаки взмахивают круглыми сетками, и жирные, холеные чайки кружат неспешно над ними.

Посредине озера стоит на сваях аккуратный домик. Здесь останавливаются лодки, пересекающие Инле. Чаще всего — туристы или таунджийцы, приезжающие сюда на воскресенье. Здесь же раз в году проходят известные в Бирме соревнования — гонки на лодках. Гребцы мерно взмахивают ногами, толкая ступней весло. Их человек десять-пятнадцать в каждой из лодок. Стоят они вереницей —

Попали мы на озеро так. Один из советских врачей, работающих в госпитале имени Сао Сан Тхуна в Шанском государстве, на востоке Бирмы, Геннадий Григорьевич Митрофанов, рассказывал о своей работе. Показывал фотографии, водил по палатам, знакомил с больными. Митрофанов — хирург-стоматолог, человек интереснейшей специальности, человек с золотыми руками. И чудеса, которые он делает, разнесли славу о нем по всей стране. Больные приезжали к нему из Шанского государства, из Рангуна, с юга, из Тенассерима, отовсюду. Митрофанов — специалист по операциям в полости рта. Больные в его палатах — несчастные люди, потерявшие надежду на то, что когда-нибудь станут обычными, нормальными людьми. У них деформированы челюсти, у них трещины в небе — они уродливы, плохо говорят, не могут нормально питаться, и на многих из них просто страшно смотреть. В Бирме часто уродство воспринимается как знак немилости высших сил, и к страданиям личного порядка примешиваются страдания общественные, социальные.

...В кабинет пришла сестра и привела маленькую девочку, лет пяти. За девочкой шла мама. Когда ассистент Митрофанова посадил девочку на колени, чтобы можно было сделать последний снимок для истории болезни, она закатила рев на весь госпиталь. Так ее и сфотографировали плачущей, обыкновенную девчушку из города Аунбан, где растут мандарины. А мать сидела рядом и смотрела на доктора влюбленными глазами. Он давал ей последние инструкции — во рту девочки была пластмассовая пластинка, которую надо было мыть после еды. Через два месяца надо вернуться в госпиталь и пластинку снять...

И совершенно невозможно было представить, хотя фотография Ми Ми лежала у меня на коленях, какой она была всего несколько недель назад. Рот и нос ее были разрублены, будто саблей, и лицо было похоже на страшную маску.

— Вот бирманский плохо знаю. Можно сказать — совсем не знаю. Но не хватает времени выучить. Да и стар уже. Если бы лет двадцать назад начал... Да что там... Я слышал, вы собираетесь в воскресенье в долину и будете по соседству с озером Инле. Не выполните ли одну мою просьбу?

— С большим удовольствием.

— Где-то на озере живет мой больной. Очень интересный случай. Операцию я сделал, осталась кое-какая косметика. Но все-таки волнуясь, как он там. Знаю, что раньше он жил в городе Ньянуншве. Это единственный город на озере. Но никаких более точных координат дать не могу. В истории болезни есть его имя — Маун Шве Ньюнта, шан, 19 лет. Он должен вернуться через месяц.

Конечно, мы согласились.

На прощание Митрофанов дал нам историю болезни Маун Шве Ньюнта. Парень в трехлетнем возрасте переболел номой — водяным раком. После этой болезни у него срослись челюсти, причем срослись так, что лицо полностью перекошилось, зубы вылезли, пробуравив кожу лица, кожа омерт-

вела. Но главное (не говоря об уродстве) было то, что он не мог есть, как все люди. Он проталкивал между передними зубами рис и растирал его во рту пальцами о сросшиеся зубы. Он не мог говорить. Он не мог улыбаться. Его никто не хотел брать на работу, он не мог учиться, у него не было друзей. И лицо его на фотографии — озлобленное и тупое.

И другое лицо: на фотографии, сделанной в тот день, когда он вышел из госпиталя после двух месяцев лечения и двух операций. Но маленькая фотография недостаточно убедительна. Поэтому мы решили, что не уедем с озера, пока не познакомимся с человеком, нашедшим свое лицо.

...Мы остановились перед неизбежным китайским ресторанчиком с бахромой ошипанных кур и уток перед входом и пошли наводить справки. Хозяин ресторана был исключительно вежлив, но помочь ничем не смог. Он не знал ни одного Маун Шве Ньюнта. Он, правда, знал одного Ко Шве Ньюнта и двух У Шве Ньюнтов и даже одного Сая Шве Ньюнта, но все эти люди нам не подходили — они были явно старше того, кого мы искали.

В бирманском языке Маун, Ко, У и Сая значат примерно одно и то же — господин. Только Маун — обращение к молодому человеку, Ко (старший брат) — дружеское обращение, У (дядя) — вежли-

нашедший свое лицо

вое обращение к старшему или незнакомому человеку, а Сая называют учителей и других ученых людей. По началу бирманского имени можно уяснить себе возраст человека и даже степень уважения, которой он пользуется, хотя бы в глазах того, кто о нем говорит.

Хозяин ресторана позвал повара, повар — поваренка, подошли немногочисленные посетители. Мы постояли минут пять, послушали жаркую дискуссию, в ходе которой спорщики совершенно о нас забыли, потом я осторожно оторвал хозяина ресторана от его собеседника и спросил негромко:

— А может, кто-нибудь знает Маун Шве Ньюнта, который лечился в Таунджи и вернулся недавно оттуда? Там ему сделали операцию и исправили лицо.

— Так чего вы раньше не сказали? — волновался повар. — Так бы и сказали — Маун Шве Ньюнт. Все мы его знаем. Кто его не знает? — И предложил: — Я вас провожу.

— Мне туда по дороге, — сказал высокий шан. — Да я там живу, — сказал еще кто-то.

В машину поместилось восемь человек. Одни из них жили в том районе, другим было по дороге, третьим просто хотелось помочь найти человека.

— Налево! — кричали нам пять человек на четырех языках.

Ассистент Митрофанова с девочкой из города Аунбан, которую вылечил советский доктор.

— Направо!

— Налезо!

И мы приехали на лодочную пристань. Здесь работает Маун Шве Ньют. (Значит, можем сказать Митрофанову, что парень нашел работу.)

— Маун Шве Ньют? Только что был здесь, — сказал заведующий станцией проката лодок. — Маун Шве Ньют! — высунулся он из своей будки.

Лодочники закричали что-то в ответ пошански.

— Только что уехал, — сказал заведующий.

— Куда?

— По озеру, с туристами.

— А когда он вернется?

— Часа через три-четыре. Они пройдут до конца озера, посмотрят пагоду, мастерские, а потом обратно.

— Мы их сможем догнать?

— Вон стоят свободные лодки. А если приплатите немного сверх таксы — получите лодку с новым мотором.

Мы приплатили немного сверх таксы и сели в длинную лодку.

Зрители разошлись, и лодка, набирая скорость, нырнула под горбатый мостик.

Началась погоня. Сначала была только стена тростника, из которого лениво взлетали привыкшие к моторкам утки, а потом тростник разбежался в стороны, остался позади, и мы очутились посреди голубой пиялы, и горы по сторонам были далеко, так что домики и пагоды казались детскими кубиками, а впереди вода не кончалась — она незаметно слилась с горизонтом.

Несколько точек впереди — лодки. Какая из них увозит нужного нам парня?

Мотор и в самом деле оказался сильным, и вскоре мы начали обгонять моторки, идущие к другому концу озера. Мы обгоняли лодки, груженные мешками и рыбой, — моторы на таких слабые, старые. Обгоняли рыбацкие лодки — эти совсем без мотора, на корме стоит гребец и ступней толкает весло. Обгоняли лодки с туристами и паломниками. Это все были таунджийцы, приехавшие на озеро в воскресный день.

Но наш моторист оставался спокоен. Если кто-нибудь из нас оборачивался к нему — не ту ли лодку мы догоняем? — он, не вынимая изо рта шерут — толстую бирманскую сигару, — отрицательно качал головой и улыбался.

Был базарный день, и люди в лодках принарядились. Тут были не только озерные шаны и бирманцы из города. Короткая черная накидка и большой белый тюрбан на голове — это горные шаны. А вот и совсем редкое и, можно сказать, экзотическое зрелище — падауны. В лодке расселось человек пять женщин и девушек.

Почему они так необыкновенны? О них пишут исследования этнографы, их фотографируют корреспонденты, неделями добираясь до падаунских деревень. Падауны окружены таким вниманием любителей экзотики, что среди них уже выработана такса: хочешь сфотографировать — плати джа. И все из-за жестокого и нелепого обычая, который уже сходит на нет, но еще полностью не изжит. Когда падаунской девочке исполняется лет восемь, на шею ей надевают медный обруч, потом еще один, пока верхний не упрется в подбородок. С возрастом число колец растет и под давлением их шея девушки вытягивается до пятнадцати, а то и двадцати сантиметров. Пожалуй, это самая жестокая пытка, которой подвергаются женщины ради моды. Когда смотришь на падаунскую девушку, кажется,

что голова ее не соприкасается с телом — уж очень далеко расстояние от подбородка до плеч. Женщины на всю жизнь лишены возможности наклонить голову. Хуже всего то, что медные кольца отрицательно влияют на кожу шеи, и женщины падаунов долго не живут. А снять кольца нельзя. Шейные позвонки разошлись, они уже не могут держать голову. Если снять кольца — женщина погибнет. Говорят, раньше у падаунов был обычай — неверной жене снимали кольца с шеи. Это была смертная казнь.

И поэтому особенно приятно было видеть в лодке рядом с изуродованными женщинами девушек уже без колец. По-моему, старшие им завидовали.

Горных племен в Бирме очень много. Они находятся на разных ступенях общественного развития. Правительство Бирмы и местные правительства стараются максимально сократить и облегчить им переход к современной жизни. Племена эти, особенно в северной и западной Бирме, живут в мало доступных горных долинах. Они изолировались так давно, что, например, в Чинском округе каждая деревня говорит на своем диалекте, и часто жители соседних деревень с трудом понимают друг друга. К деревням ведут узкие тропы, в дождливый сезон они почти непроходимы. От деревни до деревни надо идти десятки километров, через горные хребты, через леса.

И все-таки, несмотря на все эти трудности, жизнь меняется и в горных селеньях. Почти в каждой деревне — школа, в каждом городке — больница. Интересны в этом отношении слова одного

ТОЛЬКО ФАКТЫ

ВО ИМЯ ЧЕГО?

По официальным данным, сообщенным Пентагоном представителям печати, с 1 января 1961 года по 20 апреля 1964 года потери США в Южном Вьетнаме составили 1027 человек: 210 погибло, 804 были ранены и 13 пропало без вести.

КРОВЬ ЗА БУТЫЛКУ ПИВА

Чтобы восполнить хронический недостаток консервированной крови, некоторые больницы Южной Родезии, пользовавшиеся до сих пор исключительно услугами белых доноров, решились на «беспрецедентный» поступок: стали брать кровь у африканцев.

Столь же беспрецедентна установленная ими плата: за 500 кубических сантиметров сданной крови черный донор получает... бутылку пива.

чинского политического деятеля. Он сказал мне как-то:

— Еду ругаться в министерство просвещения. По вине книжного магазина «Ава-хауз» в дальних деревнях учебники не успели к началу учебного года. Разве это не безобразие?

Этот человек научился читать, только когда ему было под тридцать, да и то после того лишь, как добрался до Рангуна. Это было двадцать лет назад.

Наша лодка протолкалась к причалу у большой пагоды Индаина. Ступени к ней казались мозаикой: они были завалены шанскими сумками — вся Бирма носит их через плечо, — сложенными юбками, серебряными чашами, подносами. По лестнице потоками и струйками текли люди, перемешивались, смеялись; горцы звенели украшениями, и предприимчивый толстяк поставил неподалеку элементарную рулетку и обдирал горцев. Горцы верили ему и клали монеты в секторы круга. Рулетка была беспронимчивой — для ее хозяина.

Среди лодок не было нужной нам. Но один из мотористов сказал, что Маун Шве Ньют увез своих туристов на ткацкую фабрику.

С лодкой мы встретились на узкой улице, вернее, на узком канале. Наш моторист вынул сигару изо рта:

— Маун Шве Ньют. Остановить его?

Так вот он какой! Правда, Митрофанов показывал нам фотографии — строгие клинические фотографии. Но совсем другое дело, когда перед тобой сидит живой человек и говорит, щурясь от голубого солнечного света.

Щека, подбородок и нос Маун Шве Ньюта темнее, чем кожа на других частях лица. Это все, что осталось от прошлого.

Я перебрался поближе к корме, чтобы взять интервью.

— Как вы себя теперь чувствуете?

Оказывается, парень знает немного английский.

— Хорошо.

— Когда собираетесь обратно в госпиталь? Доктор Митрофанов просил напомнить, что он ждет вас.

— А я через месяц приеду. Доктор сказал, что никаких следов не останется.

— У него девушка есть, — вмешивается моторист с сигарой. И смеется. — Жениться собирается. А раньше девушки и не смотрели. Не смотрели на тебя девушки? — Оба хохочут.

— А правда, что доктор одной женщине из Тауджи ребро вставил вместо челюсти? Маун Шве Ньют рассказывал.

— Правда.

— А правда, что Маун Шве Ньюту кожу на лицо с живота поставили?

— Тоже правда.

— А мы ему не верили.

— Я же вам показывал.

— Что ты еще хочешь сказать нашим друзьям?

Мотористу надо ехать.

Маун Шве Ньют опять улыбается. Он часто улыбается. Правда, улыбка еще не совсем настоящая. Ему улыбаться непривычно. Он не научился улыбке, как мы учимся с детства так же естественно, как говорить и ходить. Он еще приучает к этому мышцы лица. Но улыбаться ему нравится.

Вокруг много солнца, воздуха и радости. Хороший день. Кажется, смеется все озеро.

Высоко над ним угадываются дома города. Один из них, белый, легкий, — госпиталь, построенный русскими и бирманцами вместе. Там советский доктор вернул улыбку шанскому парню.

ГОРОД

НА ЛЬВИНЫХ ГОРАХ

(Окончание. Начало см. на стр. 33)

Три раза в неделю бухта заполняется десятками судов. Это катера, большие, неуклюжие парусные лодки «булом», рыбацкие остроносые пироги и допотопные челны. Со всего полуострова Сьерра-Леоне, с мангровых, заболоченных берегов северной части залива, из низовьев крупной реки Рокаль свозят крестьяне, рыбаки, торговцы свои товары на этот рынок. Рынок поднимается ярусами по крутому берегу. Добравшись до Оксфорд-стрит, он сливается с ее торговыми рядами, ее толпой. Точной границы рынка не проведешь. Главные товары здесь — рыба и рис. Идет не только мелочная розничная торговля. Владельцы лавок закупают большие партии риса, пальмового масла, маниоки, овощей и фруктов. Плавающий рынок очень красочен. На каждой большой лодке поднят свой собственный огромный флаг: им часто служит кусок цветастой материи. Прыгая по полю в воду, грузчики на головах переносят товары на берег. Среди торговцев преобладают женщины. В их руках розничная торговля продуктами питания, а этот рынок почти исключительно продовольственный. В самом Фритауне сравнительно с другими городами Западной Африки мало ремесленников и их изделий. Весь «ширпотреб», как правило, привозной, фабричного производства. Всего в городе одиннадцать рынков.

ИСТОЧНИК ПРОГРЕССА

Политическая жизнь Фритауна сложна. Дело в том, что верхушка потомков бывших рабов тесно связана с англичанами, из ее среды десятки лет вербовались чиновники-африканцы, в ее руках находилась значительная часть торговли, шедшей через столицу колонии. В таких условиях основными центрами борьбы за независимость стали глубинные районы страны.

Креольская буржуазия (так здесь называют потомков переселенцев), боясь потерять свои позиции, стояла за сохранение старых отношений с Англией. Ныне, когда политическая независимость завоевана и на повестку дня встали более сложные проблемы социального развития страны — сокращение потока прибылей, все еще выкачиваемых из Сьерра-Леоне иностранным капиталом, создание национальной экономики — молодежь Фритауна, трудящиеся столицы и профсоюзы поддерживают более радикальные элементы страны, находящиеся в оппозиции к правящей Народной партии. В дни нашего пребывания во Фритауне проходили дополнительные выборы в городской муниципалитет. На все четыре места были избраны кандидаты оппозиционной партии Всенародный конгресс.

Хотя пульс политической жизни Фритауна куда спокойнее, чем, скажем, в Лагосе или Дакаре, бесспорно, столица Сьерра-Леоне с развитием страны, ростом рабочего класса, интеллигенции все в большей степени будет терять старые черты вековой базы английских колонизаторов и превращаться в источник прогрессивных преобразований во всех областях жизни молодого государства.